

**ИЗДАНО
В СССР**

ПОСЛЕДНЯЯ ТРИЛОГИЯ ДЖОЙСА КЭРИ

Джойс Кэри. Из любви к ближнему. Перевод с английского Г. Островской и М. Шерешевской. Вступительная статья М. Шерешевской. Москва—Ленинград, «Художественная литература», 1966. 411 стр.

Английские критики восторженно оценивают творчество Джойса Кэри (1888—1957) и почитают его едва ли не классиком. После смерти его не прошло и десяти лет, а уже написаны о нем не только статьи и рецензии, но и обстоятельные монографии. Произведения Кэри переведены на несколько языков. Одно из них теперь предстало перед русским читателем.

Джойс Кэри выступил в печати лишь в 1932 году. Он успел побывать студентом, художником, солдатом, чиновником колониальной службы в Африке, прежде чем угадал свое призвание и начал долгую, упорную подготовку к писательству.

Во всех своих книгах Кэри стремится дойти до сердцевины, до первопричины важнейших жизненных процессов. Это видно в романах, посвященных его африканским впечатлениям, в повестях о детях и взорванном войной мире, в хрониках, проследивающих эволюцию нескольких поколений английской интеллигенции. Но только в трилогии 40-х и 50-х годов он обрел емкую и вместительную форму, которая соответствовала его представлению о безграничной сложности природы человека.

Роман «Из любви к ближнему» — первая часть трилогии 50-х годов — был впервые опубликован в 1952 году. Рассказчица, Нина Лэттер, неглупая и образованная женщина, сообщает о себе, что была в юности любовницей одного, но вышла за другого. Живя с ним, вновь сблизилась с первым, но осталась с мужем, хотя отцом ее детей был любовник. Пришла она к нему опять чуть ли не через четверть века. Но став его законной женой, вновь вступила в связь с прежним мужем и — как выясняется позже — погибла от руки оскорбленного супруга.

При таком суммарном изложении все в этом романе странно, и последовательной кажется одна непоследовательность. Между тем метания героини отражают, по мнению Кэри, характерную неустойчивость современной женщины, лишенной твердых нравственных принципов. Нина попеременно подчиняется обоим антагонистам, представителям двух социально-этических полюсов.

Перед нами роман-дискуссия, в котором борьба идей воплощается в личной борьбе антагонистов. Один из них, первый муж Нины, Честер Ниммо — профессиональный политик, оратор и демагог, мастер интриги, умолчаний и двусмысленных маневров. Другой, любовник, а потом муж Нины, Джим Лэттер, — офицер, одержимый идеей личной чести и мечтой о консервативной старой Англии. В самой Нине есть искренность и непосредственность, отличающие Джима, но есть и свойства Честеру уклончивость, умение в своем поведении одновременно исходить из двух различных точек зрения. Нина стоит между враждующими мужчинами, инстинктивно приспосабливается к каждому из них и безуспешно пытается примирить их контрастные миропонимания.

Вторая книга трилогии («Никто, как бог», 1953) — исповедь Честера Ниммо, открывающая новые грани его личности. Диктуя воспоминания бывшей жене, он рассказы-

вает о разочарованиях и религиозных сомнениях, которые в юности побудили его объявить себя борцом против нищеты и идти к этой цели любыми путями, хотя бы и окольными.

Третья книга («Без чести», 1955) — тоже самозащита, на этот раз капитана Лэттера. Он готовится к суду и казни за убийство жены. Его признания по временным рамкам совпадают с записями Нины, но включают также рассказ о расправе с нею.

Наиболее полное представление о трилогии дает ее первая часть, и выбор переводчиков вполне оправдан. Следовало бы, однако, предложить вниманию читателя и два других тома, ибо, как показывает беглый комментарий, три книги осуществляют единый замысел.

Один и тот же круг событий излагается в трех книгах с точки зрения трех действующих лиц. Такая конструкция порождена сомнениями, которые Кэри разделяет с целым рядом современных ему писателей: возможно ли дать многостороннюю, гибкую характеристику героев традиционными средствами, словами всеведущего повествователя? Ведь ему доступна только одна из возможных точек зрения, частица истины, которую он выдает за объективную и целостную истину. Не честнее ли представить читателю самому дойти до правды путем сопоставления трех противоречивых повествований? Каждый из героев выступает тогда сразу в трех аспектах, казалось бы взаимоисключающих. Перед нами не три персонажа, а девять. Поскольку герои, соперники, принадлежат к резко различным социально-психологическим типам, их взгляды друг на друга и самих себя составляют почти полную противоположность. Но взаимная ненависть порой позволяет им уловить в характере врага не только воображаемые, но и действительные черты.

Честер верно оценивает торийские предрассудки Джима, а тот в свою очередь справедливо презирает низкие уловки Честера. Но при всей своей противоположности они сходятся в слепом, разрушительном эгоизме, особенно явном потому, что коварный министр и прямодушный солдат с одинаковой уверенностью отождествляют свой личный интерес с интересами народа.

Диалектическая взаимосвязь этих двух образов раскрывается у Кэри на всем протяжении романа. Она прослеживается не только в соотношении их общественных взглядов, но и в их обращении с Ниной. Как ни различны Ниммо и Лэттер, они в равной мере виновны в ее гибели. Эгоистическая жестокость и сосредоточенность на собственном «я» не позволяют им понять, как они унижают и развращают Нину своей требовательной, грубой любовью. Падение Нины есть мера их собственной испорченности.

С большим мастерством показывает Кэри неотделимость интимных чувств от гражданских. Своему политиканству Ниммо приносит в жертву не только жену, но и детей, которых он с неизменным дву-

личием называет своими, хотя знает тайну их рождения. Он толкает сына-актера на самоубийство, так как не может простить ему талантливое имитирование фальшивого фразерства; он заставляет дочь шпионить за матерью; он держит домашних в духовном и материальном рабстве, не стесняясь делать их пешками в политической игре.

Лицемерие, в путях которого бьется семья Честера Ниммо, — господствующий принцип и в государственной его деятельности. Эту старую в английской литературе тему Кэри трактует по-новому.

Честер, в изображении Кэри, достигает высшей виртуозности в искусстве лжи: он обманывает окружающих и себя, и сам верит в свой обман. В этом его отличие от наивных лицемеров классических пьес и романов — он легко верит «в то, во что выгодно верить». Он увлекается собственным притворством настолько, что без труда переходит от проникнутых религиозным испуганием проклятий организаторам первой мировой войны к прославлению ее с помощью тех же религиозных заклинаний.

Подчеркивая утонченную форму фарисейства Честера, Нина силится оправдать его, но чем больше оправдывает, тем больше разоблачает.

Идея о неисчерпаемой сложности человека, о невозможности познать его целиком выражена у Кэри не только в построении образов, но и в структуре всей трилогии. Только при сопоставлении трех субъективных портретов Нины можно объяснить, почему она, взглянув на себя глазами одного рассказчика, Джима, может броситься под машину, но оценивая свои действия с точки зрения другого рассказчика, Честера, продолжает делать все то, что оскорбляет первого.

Ее робкая, полувопросительная интонация, бесчисленные оговорки (всегда в скобках!), самокритические замечания, парадоксально сочетающиеся с оправданием себя и других; взволнованная, неправильная речь

Джима, пышная риторика Честера — все это служит индивидуализации их характеристики.

Кэри оставляет нерешенным вопрос, которое же из созданных его рассказчиками представлений о героях соответствует действительности. По-видимому, истина не совпадает ни с одним из них и может быть извлечена путем сравнений и умозаключений. Бесспорно одно: человек не таков, каким он себя считает. Однако его размышления о себе, при всей их иллюзорности, не менее важны для понимания его, чем объективные свидетельства, а во многих отношениях гораздо интереснее.

Нелегко составить ясную картину из трех свидетельств, контрастных по сути и по манере. Но автор вовсе не стремится к такой ясности. Напротив, следуя агностическим и релятивистским тенденциям господствующим на Западе психологических теорий, он всеми силами добивается максимальной сложности этой картины.

Кэри тщательно вооружает обоих идейных противников доводами друг против друга, наделяет одного моральными преимуществами, другого — интеллектуальными.

Лэттер в своем поведении руководствуется нормами, которые представляются ему неизблемыми. Читатель готов встать на его сторону, но не может не увидеть, насколько он ограничен, консервативен, не способен к развитию. Его защита своей идеи, при всей силе его убежденности, оказывается слабой. Кэри приводит Лэттера к бесславному поражению: его вмешательство в политику бесполезно, его попытка утвердить свои принципы в частной жизни нелепа. Он творит суд над женой, обвиняя ее не только в физической, но и моральной измене, в пособничестве махинациям, жертвами которых становятся невинные. Лэттер считает себя идейным убийцей, а свое преступление — возмездием.

Однако продажная пресса замалчивает политическую подоплеку дела, ему не удается добиться своего рода показательного процесса и разоблачения коррупции. Он разбит, но не хочет ли Кэри, чтобы мы признали его правоту?

А Ниммо? Можно ли утверждать, что Кэри желал бы его осуждения? Ведь строя роман на борьбе общественно-этических концепций, сливающейся с борьбой за любовь, Кэри делает все, чтобы укрепить и его позиции. Для этого написана вторая книга, история его растоптанных надежд, для этого показана его победа над Ниной, для этого вложены в ее уста софизмы, отстаивающие искренность побуждений Ниммо.

Кэри не выносит приговора. Тем не менее нельзя согласиться с американским исследователем Блюмом, который приписывает автору полный моральный нигилизм. С нашей точки зрения, писатель завершающими своими выводами, пусть не сформулированными, опровергает соблазнительные для него концепции нравственной относитель-

ности. Такое опровержение присутствовало и в более ранней его трилогии 40-х годов («Сама себе удивляюсь», 1941; «Путем пилигрима», 1942; «Из первых рук», 1944) — своеобразном гимне во славу труда художника. Ему одному, согласно Кэри, дано увидеть то, что не могут видеть другие. Прислушиваясь к нему, мы черпаем знание «из первых рук» (по известной английской идиоме, использованной в названии книги): ведь ему доступны прозрения в самые ослепительные и самые темные проявления человеческого — при внешнем равнодушии, даже цинизме, — высокий дар сострадания и сопереживания.

Восторги и муки созидания, без которых жизнь бедна и убога, — вот то, что Кэри противопоставляет модному релятивизму. Его художник отбрасывает принятые этические критерии лишь для того, чтобы утвердить более высокий закон, определяемый действием победного творческого начала.

Если в первой трилогии все же есть известная моральная двусмысленность, то во второй она в конечном счете совсем устраняется. Кэри позволяет нам понять противоречие между субъективной правотой и объективной неправотой обоих героев, а тем самым и Нины, тщетно старающейся совместить несоместимое и уйти от ответственности за свою тактику компромиссов. Чем более подробно мотивированы «изнутри» поступки персонажей, тем более очевидно их духовное банкротство. Бесстрастность автора оборачивается против них. Напрасно он уверяет, что дело художника не объяснять, а излагать. Не следует понимать его слова буквально. Если читатель приходит к тому или иному заключению относительно героев, это значит, что в изложении романиста достаточно «объяснений» и заключение соответствует его замыслу.

По замыслу Кэри, герои его обречены. Уродливость действительности в том и состоит, что исторические судьбы могут вершить только люди с изворотливым умом и совестью, подобно Честеру; те же, кто хотят воспрепятствовать им во имя обветшалых догм, кончают безумием и смертью, как Джим, а те, кто покоряются им, опускаются и теряют себя, как Нина. В иной, более благородный исход — в деятельное возмущение Кэри не верит.

Запечатлевая в своей книге растленную атмосферу «большой политики», писатель создал поразительно яркую картину социальных нравов Запада. Сложное сочетание сатиры и тонкого психологического анализа позволяют видеть в последней трилогии Кэри критико-реалистическую устремленность, отвечающую лучшим традициям английского романа.

Н. ДЯКОНОВА